

Он, кажется, задавал этот вопрос очень часто, но произносил его с такой искренностью, будто советовался насчет сложной задачи.

Хэ Цюянь ответил:

— Нет.

Шэнь Сичжоу нанес ему еще один удар прямо в сердце, сказав:

— Хэ Цюянь, вот это с твоей стороны — настоящее разочарование.

Кратковременное напряжение сил у подножия снежной горы Мэйли легко развеял налетевший ветерок, превратившись в легкий смех. Перед лицом бесконечной природы ничто не может быть вечнее непрерывных горных хребтов.

Хэ Цюянь опустил взгляд, уставившись на крошечную круглую ямочку, затаившуюся чуть ниже века Шэнь Сичжоу — едва заметный след.

Чуть ниже его взгляд упал на покрасневший от мороза кончик носа собеседника и его губы, казавшиеся почти лишенными краски.

Он снова потерял нить мыслей — в этот момент он внезапно обнаружил, что уделяет слишком много внимания этой особенности на лице другого человека, которую даже крошечным изъясном назвать было нельзя.

Ветер, казалось, стал бурнее, завывая все яростнее, так что ветви и листья почти всех деревьев норовили взмыть в небо вслед за этим порывом, наперегонки пытаясь вырваться из заточения, и даже сердце взмывало высоко вверх, подгоняемое этим ветром.

Казалось, всё на свете никак не может коснуться земли.

Шэнь Сичжоу повернул голову и сквозь этот безумный, невидимый ветер посмотрел на Хэ Цюянь.

Позади, из-за горных пиков, понемногу проступала оранжево-желтая вечерняя заря, и белоснежные облака окрашивались золотым светом, очень похожие на бушующие языки пламени.

Его губы шевельнулись, и с них сорвалось два совершенно странных слова. Он произнес:

— Какая жалость.

Хэ Цюянь отвел взгляд, снова вглядываясь в безмолвные пики гор, и в его голосе, казалось, сквозила легкая дрожью, из-за чего заданный вопрос прозвучал растерянно. Он спросил:

— О чем жаль?

— Жаль... — Шэнь Сичжоу опустил голову и усмехнулся, в точности как это делают ровесники при встрече и дежурных любезностях, и, подняв руку, похлопал Хэ Цюянь по плечу. — Жаль, что хоть закат и прекрасен, но вечер близок.

— Вот как? — Хэ Цюянь тяжело посмотрел на Шэнь Сичжоу, и долгое время спустя его голос вновь обрел спокойствие. — Сделать тебе фото на память?

— Не нужно. — Шэнь Сичжоу убрал руку, сложил ладони и потер их друг о друга. Жест был самым непринужденным, но Хэ Цюянь, проследив за его взглядом, заметил, что неподалеку какой-то парень совершает точно такое же движение, только в сравнении с Шэнь Сичжоу — невероятно благоговейно. Стоявший рядом с ним спутник тоже молча за этим наблюдал.

Хэ Цюянь отвел взгляд и снова посмотрел на Шэнь Сичжоу. То, что он произнес, вовсе не было похоже на недоумение, скорее — на насмешку, а его тон легко взмыл вверх:

— У тебя тоже бывают моменты, когда хочется о чем-то попросить богов?

Шэнь Сичжоу с недоумением посмотрел на него. Тогда Хэ Цюянь повторил недавнее движение Шэнь Сичжоу.

Его пальцы были очень длинными, суставы отчетливо выделялись, а фаланги покраснели, выглядя жалобно.

— Так вот что значит молиться о благополучии? — улыбнулся Шэнь Сичжоу. — И о чем же, по-твоему, я мог попросить?

Взгляд собеседника был прикован прямо к нему, и Хэ Цюянь внезапно почувствовал, что ему негде скрыться.

— О здравии родителей, об успехе в делах, — первым отвел взгляд Хэ Цюянь и ответил самым безразличным тоном.

Однако человек рядом долго ничего не отвечал. Хэ Цюянь сам не знал почему, но внезапно почувствовал легкую панику.

Прошло еще много времени — а может, всего пара минут, просто ему самому в этот момент было так тяжело, что время казалось бесконечным.

Шэнь Сичжоу наконец заговорил:

— До чего же ты забавный, всё угадал неважно.

Его голос звучал так тихо-тихо, что Хэ Цюянь едва слышал, о чем он бормочет.

И все же он слышал, и сердце в его груди тут же взметнулось бушующими волнами. Горные вершины внезапно перевернулись вверх дном и со всего маху обрушились на него, а пенящиеся валы унесли его на одинокий остров.

Лишь спустя долгое время он смог напустить на себя видимость спокойствия и произнести:

— Прости, я был слишком бестактен.

Шэнь Сичжоу небрежно отмахнулся, словно ничто из сказанного не тронуло его, уголки его губ изогнулись в полуулыбке:

— Напугал тебя? Просто шутка.

Хэ Цюянь молча смотрел на него, а мгновение спустя уголки его губ тоже тронула улыбка, после чего он снова спросил:

— И всё же, какое желание ты только что загадал?

— Мира во всем мире, — ответил Шэнь Сичжоу. — У меня всего одно это желание.

— Вот как? — голос Хэ Цюяня звучал тяжело. Он позволил себе вольность — протянул руку и, словно обычный старший, помог Шэнь Сичжоу поправить выбившийся волосок, а затем легко взъерошил ему шевелюру. Тон его был мягким, словно он кого-то наставлял: — Выходит, у нашего гения Шэня совсем нет желаний.

После секундного замешательства Шэнь Сичжоу нахмурился, и его движение опередило мысль: он машинально и со злостью оттолкнул запястье Хэ Цюяня.

Звук шлепка прозвучал неожиданно и неловко, запястье Хэ Цюяня тут же покраснело, и Шэнь Сичжоу снова слегка растерялся.

— Пустяки, — Хэ Цюянь небрежно отмахнулся и глухим голосом произнес: — Это я перешел границы, твоей вины тут нет.

— Ты всё делаешь правильно, — мягко глядя на него, сказал Хэ Цюянь. — Извини.

— Как твоя рука? — Шэнь Сичжоу не смотрел на него и сам по себе зашагал в сторону стоянки.
— Нам пора возвращаться.

— Все в порядке, я же не принцесса на горошине. — Хэ Цюянь намеренно пытался его подразнить, но шаги замедлил и просто молча следовал позади Шэнь Сичжоу. — Пойдем назад.

Обратная дорога прошла в полнейшем молчании. Усевшись в машину, Шэнь Сичжоу сначала по протоколу предложил сесть за руль сам, но после того как Хэ Цюянь выразил готовность вести, тут же от этой мысли отказался. Устроившись на пассажирском сидении, он пробормотал себе под нос «как же я устал» и мгновенно закрыл глаза, изображая крайнюю степень изнеможения, при которой веки уже не разлепаются.

Хэ Цюянь охотно подыграл ему, делая вид, что не раскусил этот неуклюжий спектакль со спящим пассажиром, и заставил себя не обращать внимания на непрерывно трепещущие ресницы.

Он прибавил печку и молча повел машину.

Когда они вернулись к гостевому дому, совсем стемнело. Хэ Цюянь заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности. В полумраке салона экран его телефона служил единственным источником света.

Мягкий желтый свет «лунного» фонаря, установленного на парковке гостевого дома, падал через стекло на щеку Шэнь Сичжоу — казалось, будто лунный свет нежно коснулся его поцелуем, оставив на память отчетливый след.

Спустя минуту или две Хэ Цюянь погасил телефон и подался вперед, к Шэнь Сичжоу. Расстояние между ними было ничтожно малым — настолько, что лунный свет падал точно на кончик его носа. В этот момент тусклый желтый свет походил на дурманящее вино: от него исходил легкий аромат, искушая испить глоток, несмотря на заведомый яд, и было уже неважно, какую цену придется за это заплатить.

Круглая ямочка в уголке глаза Шэнь Сичжоу увеличивалась — всё больше и больше. Опершись одной рукой о центральную консоль, Хэ Цюянь завис над ней, не касаясь, но в самый последний момент перед прикосновением резко отдернул руку и, глубоко вздохнув, словно пробуждаясь ото сна, немного откинулся назад и легко похлопал Шэнь Сичжоу по плечу.

Шэнь Сичжоу тут же распахнул глаза и хриплым голосом спросил:

— Приехали?

Хэ Цюянь коротко ответил:

— Угу.

Шэнь Сичжоу отстегнул ремень, взглянул на Хэ Цюяня и с предельной искренностью произнес:

— Ты так плавно водишь, я прямо накрепко заснул.

— Вот и хорошо, — серьезно отозвался Хэ Цюянь.

Парковка у гостевого дома была небольшой, и от нее до главного корпуса нужно было пройти по галерее Ближе к луне. Сегодня луна светила особенно ярко, очертания крыши галереи вырисовывались предельно четко, а ударная установка поблескивала в лунном свете холодным металлическим блеском, напоминая еще не растаявшую горную вершину.

Шэнь Сичжоу откашлялся, нарушая тонкую тишину, повисшую между ними:

— Ты играешь на барабанах?

— Да.

— Ничего себе, — искренне восхитился Шэнь Сичжоу. Сам он с детства перепробовал множество музыкальных инструментов, и одно время ему безумно хотелось освоить ударные, но мать сочла этот инструмент слишком неприличным, а человека за ним — безумным, и категорически ему запретила.

— Ничего особенного, я не мастер. — Хэ Цюянь согнутым указательным пальцем помассировал переносицу, выглядя донельзя уставшим, и отвечал вяло, без всякого энтузиазма.

— А звукоизоляция в номерах хорошая? — снова искренне поинтересовался Шэнь Сичжоу.

— Средняя, — ответил Хэ Цюянь, на секунду замолчал и, пока Шэнь Сичжоу не задал новый вопрос, добавил: — Она просто так тут стоит, я почти на ней не играю, постояльцам мешать не будет.

— А-а, — Шэнь Сичжоу улыбнулся и снова сделал комплимент: — Босс Хэ и правда молод, да ран умен.

Сказав это, Шэнь Сичжоу тут же пожалел об этом — концовка разговора получилась слишком деревянной.

К счастью, собеседник не стал особо вникать, лишь кивнул и бросил:

— Спасибо.

Они вошли в холл. Дуньчжу что-то писал и чертил за стойкой администратора, а заметив их, кивнул в знак приветствия и очень медленно произнес:

— Каша и паровые булочки уже разогреты.

Хэ Цюянь кивнул в знак благодарности и придержал Шэнь Сичжоу, который уже собрался повернуть к лифту, тоном, не терпящим возражений:

— Сначала поешь, потом отдыхать.

Было уже поздно, и Шэнь Сичжоу не хотелось препираться, поэтому он послушно последовал за Хэ Цюянем на маленькую кухню.

Густая каша из восьми сортов злаков с красной фасолью источала аппетитный аромат, и Шэнь Сичжоу действительно проголодался.

Хэ Цюянь шустро насыпал ему пиалу каши, положил в бамбуковую корзинку несколько булочек с тушеным мясом, водрузил все это на стол и протянул Шэнь Сичжоу приборы.

Взяв их, Шэнь Сичжоу сказал:

— Спасибо.

— Я заморил тебя голодом в обед, — произнес Хэ Цюянь. — Не со зла я не давал тебе поесть.

Шэнь Сичжоу замер и молча отпил глоток каши.

— Горячо, — встревоженно бросил Хэ Цюянь. — Не спеши.

— Дядя подогрел в самый раз, — улыбнувшись, Шэнь Сичжоу поднял на него глаза и жестом предложил Хэ Цюяню сесть. — Хватит суетиться, садись тоже поешь.

Сквозь тонкое тесто паровых булочек проступало красное масло от начинки, выглядело это очень аппетитно. Шэнь Сичжоу подцепил палочками одну булочку, положил на свою тарелку и проговорил:

— Я знаю, мы просто задержались в дороге, я тебя не виню.

Хэ Цюянь на секунду замер с булочкой в палочках.

Шэнь Сичжоу опустил голову и подул на кашу, по поверхности которой побежали рябью круги, а Хэ Цюянь не сводил с него глаз.

Шэнь Сичжоу продолжил:

— К тому же в обед я и правда не хотел есть, по дороге я перекусил булочками, леденцами и шоколадом. — Он поднял взгляд на человека напротив. — У тебя в машине такой богатый запас снеков.

— Да так, бросил на всякий случай, иногда просто забываю убрать, — сказал Хэ Цюянь. — Главное, что ты не остался голодным.

— Угу, — Шэнь Сичжоу сделал глоток каши и тихо промолвил: — Как же спать хочется, поем — и сразу завалюсь.

Хэ Цюянь кивнул, и лишь когда корзинка с булочками опустела, разговор возобновился.

— Наелся? — спросил Хэ Цюянь.

— Наелся, — ответил Шэнь Сичжоу.

<http://bllate.org/book/25607/3053996>